

Н.В.Гоголь в юбилейных откликах (речах) начала XX века

Устроенные повсеместно в России 20 марта 1909 г. гоголевские торжества сопровождались огромным потоком публикаций. Из всего массива литературы о Гоголе мы выбрали только *юбилейные речи*, которые произносились в Москве, Киеве, Одессе, Тифлисе, Варшаве, Симбирске, Казани и многих других городах: в Обществе любителей российской словесности, университетах, гимназиях, кадетских корпусах и т.д. Эта часть гоголианы оказалась наименее охваченной в своей совокупности исследователями рецепции Гоголя в начале XX в., несмотря на обстоятельные работы В.Паперного, Л.Сугай, монографию С.Моулера-Сэлли «Гоголь: жизнь после смерти».

По поводу речей о Пушкине составители единственной антологии В.С.Непомнящий и М.Д.Филин справедливо писали, что именно речи - «хотя бы в силу их публичности, доходчивости и растиражированности - были главными моментами юбилеев, их духовным эпицентром», «ораторы ...не только воздавали должное поэту», но и «рассматривали насущные проблемы русского бытия»¹. На эту мысль мы опираемся и в предлагаемой статье. Более того, взгляд на гоголевские торжества сквозь призму устного публичного слова позволяет уточнить представления о новых гранях восприятия писателя в начале XX века в контексте общественной проблематики, литературного самосознания, процессов закрепления статуса классиков русской литературы и т.д.

Наследие Гоголя в эпоху серебряного века оказалось связано с тенденциями переоценки ценностей на рубеже веков, это был «процесс порождения новых образов Гоголя, процесс поисков нового Гоголя»². В это время много писалось о недостаточности и даже неверности понимания Гоголя как сатирика в XIX в., о том, как он необходим новому поколению и как, в сущности, оно не знает Гоголя. Показательны слова Л.Я.Гуревич из статьи «Воскресение Гоголя» (К столетию со дня его рождения): «Признанный лучшими из современников, как писатель-реалист, как бесподобный сатирик,

он был не понят, отвергнут, почти заплеван ими как раз в том, что составляло святая святых его души... Мы еще не знаем, как следует, Гоголя, или знаем его, как школьники, изучившие по указке скучного учителя некоторые его комедии, «Мертвые души» да «Шинель. Неисчерпаемых сокровищ его мыслей, литературных суждений и характеристик, разбросанных в его статьях и отрывках, в его «Переписке с друзьями», мы не изучили»³.

Ко времени юбилея благодаря Розанову и символистам была во многом сломана прежняя парадигма его истолкования и оценки: начался пересмотр взгляда на гоголевское наследие и его отношение к русской литературе XIX в., акцентировался трагизм мироощущения писателя, признавалось его языковое своеобразие, давалась переоценка и идеологических аспектов его творчества. А.Белый, например, в юбилейной статье будет бороться против всякой тенденциозности в понимании Гоголя, когда «идейная борьба за любимого писателя сводится к борьбе за этикетку»⁴

Но примечательно, что значительная часть модернистов, да и литераторов вообще не участвовала в официальных торжествах, пожалуй, за исключением В.Я.Брюсова с его известной речью «Испепеленный»⁵. Б.Зайцев вспоминал: «Гоголю предстояло явиться без блеска: подлинно хмурою личностью литературы. Всем заведовала Дума и Общество Любителей Российской Словесности. Западники, славянофилы, ссорившиеся на пушкинских торжествах, перевелись. Литература делилась на «реалистов» и «символистов». Не было никого сколь-нибудь равного Тургеневу, Достоевскому (Толстой не счет, он доживал последние дни)...Чехов в могиле. Надо сознаться: и «реалисты», и враги их отнеслись к Гоголю равнодушно. На Пушкина» съехалась вся братия (Тургенев даже из-за границы). Гоголя удостоили совсем немногие - неловко даже вспоминать»⁶. В этом мемуарном очерке, в целом, верно определено отличие гоголевских и пушкинских торжеств. Аналогии с пушкинскими (1880, 1899) днями были частыми в отзывах современников: подчеркивалось сходство «сценариев» пушкинского и гоголевского юбилеев, а также их противоположность 1880 году. В.В.Розанов в статье «Гоголевские дни

в Москве» подчеркивал: «Вообще было много хорошего. Но ничего подобного тому, что произошло при открытии памятника Пушкину в Москве же, когда говорили Достоевский, Тургенев, Островский... Кто мог бы скрасить празднество - это Ключевский, но он вовсе не появился на открытии памятника...»⁷. «К концу века государство стало эксплуатировать имя Пушкина, а также все то, что считалось «классикой». Празднование столетнего юбилея... демонстрирует явное стремление сделать отечественную словесность частью официальной культуры и укрепить традиционную монополию государства на национальную идею, выдвинув требование по достоинству оценить роль литературы в формировании нового российского представления о себе»⁸.

Поэтому оценка литераторами самих торжеств была скорее отрицательной (в их отзывах интересно и восприятие юбилейных речей). «Золотое руно» писало: «Устроители торжества желали, по-видимому, придать «гоголевским дням» характер официально-патриотический, но официальный патриотизм оказался не только неумным, но и бессильным... Русские литераторы и представители печати совершенно никакой роли в торжестве не играли, зато выделились французские академики, только подчеркивавшие своими речами бесцветность русской профессуры. Всякое живое слово, так или иначе выражающее отношение различных общественных групп к юбилею, было тщательно устранено, зато официальное красноречие в лице бездарных Иван Ивановичей Ивановых, Сперанских торжествовало. Где же были все те, кто являются исполнителями заветов великого писателя»⁹. Не менее жесткой была и оценка реалиста В. Вересаева: «В течение трех дней шли непрерывные торжественные заседания в честь Гоголя в разных учреждениях и обществах. Преподаватели словесности разных рангов лили ведра пустословия о бессмертных типах Гоголя, о видимом миру смехе сквозь невидимые миру слезы и т.п.»¹⁰ (он выделил только доклад В. Брюсова, в котором отсутствовал «обычный юбилейно-захлебывающийся тон»).

Беспристрастно подходя к юбилейным речам о Гоголе (разумеется, там были и яркие выступления), нужно, на наш взгляд, учитывать и специфику их *жанровой* природы. Некоторые современники, заметим, обращали на это внимание. О жанровой ситуации писал Б.Зайцев: «В официальных торжествах всегда есть сторона печальная – надо упомянуть о «великом художнике», «светоче, ведущим нас по пути добра и красоты» - удивляться и негодовать на это не приходится. Так было, так будет. Все это давно описано у Флобера»¹¹. А. Белый с сожалением отмечал, что «всякий раз, когда чествуют великого писателя, пользуются несколькими ходячими определениями во всевозможных сочетаниях»¹².

Юбилейная речь как ораторский жанр связана с традицией похвального слова, похвальной речи. По своей жанровой прагматике юбилейная речь, как правило, включает изложение позитивного вклада личности в культуру, оценку достоинств чествуемого человека, подчеркивает современное значение данного события. Применительно к жизни литературы юбилейные речи представляют собой обычно популяризацию результатов достигнутого историей литературы и критикой в изучении писателя, хотя были и речи переломные в истории понимания (речь Достоевского и др.). В жанрово-стилистической основе юбилейные выступления сближаются с т.н. эпидейктической речью – торжественной, произносимой в особо торжественных ситуациях, для нее характерны и особый характер зачина, основной части, заключения, двойственность оценочного суждения (в контексте истории и современности), острая публицистичность, обращенность к адресату-слушателю.

Конец XIX- начала XX вв. - время активизации выступлений и лекций на *литературные* темы. Важный «генетический» показатель многих критических статей рубежа XIX –XX вв. – то, что они вырастали из докладов, лекций, с которыми критики выступали перед различной аудиторией. Наряду с привычным в XIX веке чтением и обсуждением литературных произведений в кружках, в конце XIX – начале XX вв., критика расширяет сферу публичности, становится *речью*, обращенной к слушателям. «Самый интерес к лекциям по

литературе свидетельствует о созревших потребностях всех классов населения в самообразовании. Перед русским лектором открылась *громкая всероссийская аудитория*, на встречу которой он и должен идти. Высшие художественные и научные интересы вышли из тесного круга академических твердынь и становятся доступными массам», - писал в предисловии к сборнику публичных лекций о русских писателях критик К. Арабажин¹³.

Уже *заглавия* юбилейных речей, наряду со спокойно-академическими («Эволюция художественного творчества Гоголя», «О комизме Гоголя», «Гоголь и Московский университет» и др.), подчеркивали значимость для современности, притягательность его личности («Гоголь и Россия», «Творческие муки Гоголя», «Знаем ли мы Гоголя?», «Испепеленный», «Значение творчества Гоголя для общественного самосознания» и др.).

Сформулированные в рамках модернистской критики новые интерпретации Гоголя, тем не менее, не стали доминирующими, особенно в массовой публике. Поэтому подавляющее число юбилейных выступлений продолжало позитивистские традиции культурно - исторической и психологической школ, причудливо соединенных с новыми веяниями. Характерно, например, мнение И.Н.Розанова о речи Брюсова: «Это была попытка познакомить публику с новыми взглядами на Гоголя, взглядами, уже высказанными в печати В.В.Розановым, Мережковским, но мало проникшими в публику»¹⁴. Поэтому для ораторов типичны ссылки на В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского, Н.А.Котляревского, А.Н.Пыпина, С.А.Венгерова и других, вплоть до парафраза на мотивы их работ. Как, например, в Симбирске, где учащиеся кадетского корпуса выступали с сочинениями (этой чести были удостоены лучшие). Сочинение-речь «Гоголь как писатель-реалист», прочитанное кадетом 7 класса Кастрицыным, содержит большой «кусочек» о «Старосветских помещиках»: «Возьмите его «Старосветских помещиков». Здесь не более, как две пародии на человеческое существо; забота их жизни, это- забота о пище. Но как сама по себе ни ничтожна картина повседневной жизни этой мирной четы, как ни отталкивает нас пошлостью и уродливостью своей животной жизни, мы

невольно чувствуем симпатию к этим людям...»¹⁵. Трудно не узнать в этом рассуждении почти буквальное воспроизведение известной статьи Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя». «Но почему? Да потому, что Гоголь, со свойственной всем великим писателям пронизательностью подметил человеческую черту в жизни старосветских помещиков: их взаимная любовь и привязанность основана на привычке...»¹⁶ (из сочинения кадета). «Отчего это? Оттого, что это очень просто и, следовательно, очень верно, оттого, что автор нашел поэзию и в этой пошлой и нелепой жизни, нашел человеческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героев: это чувство- привычка»¹⁷ (из статьи Белинского).

Авторы некоторых выступлений вступают в полемику с «новой» критикой. Директор одной из гимназий Варшавского учебного округа защищает имя Гоголя: «В день юбилейного торжества 20 марта сего года в авторитетной русской газете...появилась статья под заглавием «Гений формы», в которой автор, небезызвестный критик, литератор, и философ, проводит мысль, что в произведениях Гоголя нет глубокого, серьезного содержания, что слава его как гения покоится исключительно на форме, - на необычайно увлекательном, захватывающем рассказе... Другой публицист той же газеты в статье «Драма Гоголя» самоуверенно заявляет: «Теперь для всех давно бесспорно, что Гоголь в своем творчестве искажил Россию и, любя ее, оклеветал». Ложные, досадные суждения»¹⁸ (речь шла о статьях В.Розанова и М.Меньшикова).

Однако и в юбилейные речи проникали элементы новых психологизированных и мифопоэтических истолкований. В сборнике «Три юбилейные речи», изданном в Казани, находим речь, произнесенную в 3-й казанской гимназии В.Брюхановым, где, хотя и без розановского парадоксализма, утверждается, что настоящее время мы можем принять наименование «гоголевского периода» «лишь со значительными оговорками»¹⁹. Говоря о международном и вневременном значении Гоголя, автор цитирует из «Вечных спутников» Мережковского рассуждение о произведениях, которые «служат для человечества как бы просветами, громадными окнами в

бесконечное звездное небо»²⁰. К аргументам из концепции Мережковского прибегает и автор еще одной варшавской речи: «Гоголь испугался...тьмы и очутился, по удачному сопоставлению современного критика Мережковского, в положении, до некоторой степени напоминающем положение Ивана Федоровича Карамазова, ведущего борьбу с чертом, в котором олицетворена отрицающая идеал человеческая пошлость»²¹. В заключение выступления, обращаясь к слушателям, докладчик снова использует образ Мережковского: «Изучайте творения нашего великого писателя, старайтесь вникнуть поглубже в его творчество и в его глубоко поучительную жизнь. Тогда вам не страшен будет тот зловещий черт, который так мучил и терзал дорогого всем нам писателя»²². Но все же это не меняло общей направленности трактовок Гоголя.

Торжественные речи произносились не только светскими людьми, но и духовенством. Как известно, гоголевские дни были организованы так, что, к примеру, сначала в университетской церкви происходила торжественная панихида, где перед служением панихиды духовным лицом произносилось «слово», а после панихиды происходило заседание Совета университета и продолжались речи. В слове духовных лиц тоже звучала *полемика* по отношению к голосам людей, которые, как говорил в своей речи в Одессе профессор богословия А.М. Клитин, «хотели отнять у него и душу, и сердце, и божественное пламя таланта»: «Мы не дадим ему Иудиного лобзания, ласково целуя его именами: мистик, психопат, нервно-больной человек и проч....Мы почтим и прославим своего писателя как литературного гения, как писателя народного, как горячего патриота, как воспитателя юношества, как глубоко верующего и преданного сына Православной Церкви»²³.

В «духовных» речах, безусловно, подчеркивалась заслуги Гоголя не столько как писателя, сколько обращалось внимание на черты его жизни как христианина. В этой связи осмыслялся и поздний этап его жизни. В речи перед служением панихиды по Гоголю в Симбирске говорилось, что «благодаря обстоятельствам последних лет жизни, его коренные религиозные убеждения обнаружили не принужденнее, полнее, во всей своей силе, при иных условиях

мы, может быть, и не узнали бы о том, насколько позволительно считать Николая Васильевича носителем христианских идей»²⁴.

Иногда выступавшие духовные лица вынуждены были, тем не менее, объяснять свою высокую оценку «отрицания» в творчестве Гоголя. В слове, произнесенном в церкви 1-й самарской гимназии, акцентировалось, что «благородные мотивы отрицательного направления творчества Гоголя стоят в тесной связи с его возвышенными религиозно-нравственными идеалами», что особенно важно « в наши нерадостные дни, дни уныния, апатии и пессимистического настроения»²⁵.

В юбилейных выступлениях на первый план выходит соотнесение идейного содержания наследия Гоголя с современной общественной ситуацией, наступившей после первой русской революцией, появления сборника «Вехи» (показательно, что знаменитый сборник выходит в свет накануне юбилея - 16 марта, за 2 дня было распродано 2853 экземпляра²⁶). В творчестве Гоголя находятся ответы на волнующие общество вопросы.

Одной из наиболее ярких речей московских дней стало выступление философа Е.Н.Трубецкого «Гоголь и Россия». В Гоголе, по Трубецкому, выразились «не те или другие преходящие черты эпохи, а сверхвременная сущность нашего народного характера», «потому в них до сих пор мы можем читать печальную повесть не только о нашем прошлом, но и о настоящем России. В них все полно неумирающего значения»²⁷. В представлении Трубецкого, Гоголь – «по существу писатель-странник и богоискатель», его «странствования теснейшим образом связаны с самой сущностью его творчества, с основным делом его жизни», эти странствования были для него одновременно исканием Бога и исканием России»²⁸. Интересно обыгрывание образа тройки в новом историческом контексте, когда жизнь вносит дополнения в гоголевский текст: «Три года тому назад пророчество как будто бы сбылось. Тогда действительно тройка закусила удила, подхватила экипаж, сбивала с ног прохожих и наводила ужас на соседей своим молниеносным движением...Верные национальному инстинкту кони мчались без возницы, не

зная ни дисциплины, ни удержа...Беспорядочная скачка кого потоптала, кого утравила. Тут, к великой радости испуганных обывателей, тройку поймала твердая, но грубая рука. С тех пор она покорно возит казенную корреспонденцию»²⁹.

Во многих выступлениях подчеркивалось общественное значение произведений Гоголя в том, что они сослужили «свою службу для эпохи реформ, «разбудили» многие «мертвые души»³⁰. Соглашаясь с мнением Белинского, что Гоголь помогал общественному самосознанию, ораторы в то же время подчеркивали общественное значение «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Но следует отметить, что оценки общественного значения Гоголя полны и общих речевых клише: «учитель земли русской», «идеал учителя горькой жизненной правды», «учитель-гуманист», «поэт жизненной правды» и т.д. Крайности подобных «общественных» интерпретаций были иронически высмеяны в ряде фельетонов: «После юбилея» В.Воровского, построенного в форме диалога «тени» Н.В.Гоголя и черта, «Гоголевы дни» А. Амфитеатрова, первая часть которого «После праздника», написана как послание Н.В.Гоголя А.С.Пушкину. Риторика демократической поэзии весьма характерна и для такого феномена юбилейных торжеств, как массовые любительские стихи памяти Гоголя³¹.

Сквозной мотив речей - оценка *мирового* значения Гоголя. Если в XIX в. эта тема отчасти звучала у К.Аксакова, то в юбилейные торжества закрепляется во многом статус Гоголя как мирового художника. Это признание звучит как в отечественных речах, так и приглашенных европейских гостей (М.де Вогюэ, Л.Леже, Г.Брандес и др.). Не случайно в Отчете Гоголевской комиссии общества любителей Российской словесности подчеркивалось: открытию памятника Гоголю ей «хотелось придать характер общерусского, национального праздника и, насколько возможно, привлечь к участию в нем представителей западноевропейского научного и литературного мира», а «степень сочувствия, какую могла бы обнаружить Западная Европа, явилась бы

показателем того, какое значение вообще имеет теперь русская литература (и в частности, конечно, Гоголь) в глазах Европы»³². Мельхиор де Вогюз, автор исследования «Русский роман», высказал мысль об универсализме гоголевского гения, преодолевающего национальные границы: «За пределами славянского мира Гоголь простирает свою власть на все человечество, как и его вдохновитель и образец- Сервантес»³³. Председатель Общества любителей российской словесности А.Е.Грузинский выразил убеждение, что «значение Гоголя для Европы должно в будущем еще вырасти»³⁴.

В юбилейных речах 1909 г. нельзя не увидеть и такой объединяющей их мысли, выражающейся в запоздалой *вине* за то, что «мы редко понимаем своих пророков и еще реже любим их, особенно когда они провозглашают свое «любви и правды чистое ученье», облакая его в суровость негодования или в мнимую легкость смеха»³⁵.

Примечания

¹ Речи о Пушкине.1880-1960-е годы / Сост, подг.текстов и коммент. В.С.Непомнящего, М.Д. Филина. М.,1999.С.6

² Паперный В.М. В поисках нового Гоголя // Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX – нач. XX.М.,1992.С.21

³ Гуревич Л.Я.Литература и эстетика. М.,1912.С.2

⁴ Киевская мысль.1909.19 марта. №78

⁵ Известная речь Брюсова подробно проанализирована в монографии Л.А. Сугай «Гоголь и русские символисты», поэтому мы не останавливаемся на ней.

⁶ Зайцев Б.Гоголь на Пречистенском // Литературная учеба.1988..№3.С.116

⁷ Розанов В.В.Среди художников. М.,1994.С.298

⁸ Левитт М.Пушкин в 1899 году // Современное американское пушкиноведение. СПб.,1999.С.24

⁹ Золотое руно.1909..№4. С.93

¹⁰ Вересаев В.Литературные портреты. М., 2000.С.419-420

¹¹ Зайцев Б.Указ. соч. С.116

¹² Киевская мысль.1909.19 марта. №78

-
- ¹³ Арабажин К.И. Публичные лекции о русских писателях (народный университет). Кн.1. СПб., 1909. С.3. К.И. Арабажин выступал и с публичными лекциями о Гоголе.
- ¹⁴ Литературное наследство. Т.85. М., 1985. С.767
- ¹⁵ Празднование столетия со дня рождения Н.В.Гоголя в Симбирском кадетском корпусе 20 марта 1909 г. Симбирск, 1909. С.9
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. М., 1988. С.147
- ¹⁸ Памяти Гоголя. Празднование столетней годовщины со дня рождения Н.В.Гоголя в учебных заведениях Варшавского учебного округа. Варшава, 1909. С.51
- ¹⁹ Н.В.Гоголь. Три юбилейные речи. Казань, 1909. С.21
- ²⁰ Там же. С.29
- ²¹ Памяти Гоголя. Указ соч. С.90
- ²² Там же. С.96
- ²³ Сборник, изданный Императорским Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н.В.Гоголя. Одесса, 1909. С.8
- ²⁴ Празднование столетия. Указ соч. С.3
- ²⁵ Н.В.Гоголь. Указ. соч. С.3;6
- ²⁶ См.: Вехи. Из глубины. М., 1991. С.504
- ²⁷ Гоголевские дни в Москве. М., 1910. С.116
- ²⁸ Там же. С.117-118
- ²⁹ Там же. С.124
- ³⁰ Н.В.Гоголь. Указ. соч. С.28
- ³¹ См. начало одного из гимназических стихотворений: Он был тоскующим поэтом, / Хотя был смех его мечтой. / Он ведал горечь злых мгновений, / Когда бессилье откровений / Заре, горящей за чертой, / Он слал единственным ответом... в сб: Гоголевский праздник всех учебных заведений города Тифлиса 26 апреля 1909 г. Тифлис, 1909. С.7
- ³² Гоголевские дни. Указ. соч. С.10
- ³³ Там же. С.144
- ³⁴ Там же. С.64
- ³⁵ Там же. С.39